

С.П. Шевырев

ВСТУПЛЕНИЕ В ПЕДАГОГИЮ. М., 1852.

Первые две лекции¹

Отличительная черта человеческой деятельности в истекшей половине нынешнего столетия и в последней четверти XVIII заключается в образовании многих, совершенно новых Наук и в разветвлении тех, которые уже существовали. Человек простирает мысль свою на все предметы видимого и невидимого мира и желает подвергнуть все своему знанию. К числу Наук, которые образовались в последней четверти прошедшего столетия, принадлежит Наука о воспитании, или Педагогия. И как же было человеку, стремящемуся к самопознанию, не обратить строгого внимания на такой важный предмет, как его собственное воспитание? Педагогия, в настоящем смысле, есть часть Науки самопознания человеческого.

Древние оставили нам довольно сочинений о воспитании; но они смотрели на воспитание, как на Искусство. У новых мыслителей мы находим также большое количество сочинений об этом предмете; но собственно стали смотреть на Педагогию, как на Науку, в конце истекшего столетия. Теперь особенное внимание обращено на то, чтобы определить ее отношение к Наукам, тесно с нею связанным, и построить ее в правильную систему.

Правительство наше вводит Педагогию в число Наук, необходимых в Университетах. Оно тем отвечает и требованиям науки современной, и настоящей потребности Отечества. В чем же заключается эта потребность? Вопрос о том, как создать русское воспитание, стал у нас вопросом наиболее живым и всеобщим. История движет события и приводит к результатам, где более и более высказывается различие начал жизни Запада и нашей. Это обнаружение самых начал затрудняет много педагогические сношения наши с Западом. Теперь становится уже трудно родителям выписать на-веру какого-нибудь иностранца и вручить ему сокровища сердца — детей своих, как это бывало прежде. Родители спрашивают об Русском педагоге, ищут Русского воспитателя. <...> Во всеподданнейшем отчете Министра Народного Просвещения за 1850 год мы читаем следующее: «<...> Распространение основательных, приносивших

¹ Авторская орфография сохранена

к потребностям нашего Отечества педагогических сведений принесет, без сомнения, существенную пользу просвещению народному».

Верные этим словам, мы понимаем высокое назначение Науки. Ее дело — определить Русским великую задачу Русского воспитания; ее дело — собрать все результаты, добытые опытом и жизнью древних и новых народов, — разнообразные учения мыслителей о воспитании, — подвергнуть их критической оценке и представить выводы в полной системе. Ее дело, наконец, выработать Русский образ мыслей о воспитании, который приходился бы к нашей почве, истекал бы из сознания Русской жизни. Думаю, что, действуя так, Наука может подать благотворную помощь родителям в современной задаче, их занимающей, и более, нежели что-нибудь, способна вызвать Русских наставников к делу воспитания и возбудить в них мысль о высоком их призвании. Вступая в область Науки, с этого и начну я, а говоря от лица ее, не могу не связать ее голоса с голосом Религии. Религия освящает звание наставника; она, устами Апостола, говорит: «Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие» (Посл. к Евр. гл. XIII, ст. 7). «Повинуйтесь наставником вашим и покоряйтесь; тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяше» (Там же, ст. 17). Здесь в начале говорится о наставниках, которые действуют на питомцев словом Божиим; но какой же наставник отклонит от себя животворное действие на питомцев через слово Божие? Далее, указывается, с одной стороны, высокий сан наставника, которому воспитанники обязаны повиновением и покорностью, а с другой, выражена и его собственная — великая обязанность: ибо словами «яко слово воздати хотяше», на него наложен долг отдать отчет в том деле, которое он на себя принимает.

После слов Религии, обратимся к учению мыслителей, которые занимались Наукою о воспитании. Шварц и особенно Нимейер, в своем сочинении о домашнем воспитании, указывают родителям на важный сан наставника. Шварц старается установить разумным образом права его в отношении к родительским. Нимейер восстает на эту губительную для детей вражду, которая нередко возникает между наставником и родителями, нарушая совершенно всякий смысл воспитания. <...> Не могу не привести слов Сайлера, одушевленных теплою любовью к детям и высоким уважением к наставникам: «Великий завоеватель, который ничего более, как завоеватель, по мне, малый человек. Но кто любит человечество в детях, кто жертвует собою для их возвращения и духовного образования, тот великий человек, если бы имя его и не было известно в печати. Оно записано в небесах, и Ангелы Божии произносят это имя с уважением».

Под именем Воспитания разумею возможно полное развитие и совершенствование всех телесных, душевных и духовных способностей человека, от Бога ему данных, совершаемое под руководством старших и опытнейших. Не даром поставил я вместе слова:

развитие и совершенствование. Могут быть развиты способности непрерывным упражнением; но этого еще мало. Монгольские племена чудно развивали в себе телесные силы, но употребили их на то, чтобы грабить, разорять и уничтожать человечество. В Западном Европейском образовании встретим много личностей, в которых умственные силы развиты блистательно непрерывным упражнением, но во-вред нравственным основам и самим лиц, и окружающего их человечества. Бывают случаи, что некоторые способности развиваются господствующим образом и во-вред прочим. Так разгоряченное воображение может быть вредно разуму и чувству; механическая память развивается на счет здравого смысла; излишество чувства затмевает рассудок; охлажденный рассудок губит живое и теплое чувство.

Итак, не довольно, чтобы способности были развиты: необходимо, чтобы они были усовершенствованы. Совершенствуются же они надлежащим направлением всего человека к совершенству и взаимным благотворным друг на друга действием. Чем же определяется это совершенствование? Двояким назначением человека: земным и небесным. На земле он должен совершить свое назначение, как человек, в том народе и Государстве, среди которых Провидение назначило ему действовать. Но земное назначение наше есть только дорога к небесному: земной гражданин должен иметь в виду небесного. Вот Христианское совершенствование, которым определяются и обеспечиваются все земные пути человека.

Но в сем последнем смысле, в смысле Христианского совершенствования, воспитанию человека не будет конца. Какими стремлениями, какими усилиями самой долговечной жизни может человек исчерпать тот бесконечный идеал, который поставила пред ним Христианская Вера? Вся жизнь человека должна быть не иным чем, как воспитанием его в этом смысле. Но не в этом обширном смысле разумеем мы воспитание, как предмет нашей Науки. Слова, прибавленные нами: «совершаемое под руководством старших и опытнейших», указывают на то, что мы к предмету своему относим то воспитание, которое ограничивается тремя возрастами, а именно: младенчеством, отрочеством и юношеством. <...> Когда оканчивается рост, должно окончиться и воспитание, совершаемое под руководством старших и опытнейших. Тогда уже начинается для человека период самовоспитания собственного.

Но между тем и другим периодом, зависимым и самостоятельным, относительно главной задачи воспитания, существует самая живая и неразрывная связь. Воспитание в нашем тесном смысле тогда только достигает цели, когда приготавливает человека к воспитанию собственному, когда ставит его на пути бесконечного совершенствования так, что он своими силами свободно может на нем подвигаться. <...>

Воспитание в этом смысле есть предмет нашей Науки — Педагогию. Сделать чертеж этого великого приготовления к самостоятельной жизни человека, указать на лучшие способы,

какими может быть изготовлен вернейший компас на все бурное море жизни, — вот главная задача Педагоги.

Весьма важную часть Педагоги составляет учение, которое можно назвать умственным воспитанием. Оно состоит в развитии умственных способностей, обогащении их познаниями и в совершенствовании их направлением к истине. Учение есть венец воспитания. С сердца собственно начинается воспитание и кончается головою — учением. Счастлив тот, в ком воспитание еще в первые годы вложило в сердце сокровище верного чувства, и в ком голова, позднее развитая, не разорила этого сокровища, а упрочила его на всю жизнь. Жан Поль Рихтер прекрасно выразился: «Сердце есть почка головы». Счастливое сочетание головы и сердца есть идеал воспитания.

Учение в деле воспитания так важно и составляет такую особенную и обширную часть, что Педагоги сочли необходимым разделить Науку на две части: на Педагогию в собственном смысле, или Науку воспитания, и на Науку учения, которую иные называли Дидактикою, другие Методикою; третьи, без специального названия, посвятили ей особенную часть. Правда, что в первой половине периода жизни, посвящаемого воспитанию, воспитание господствует над учением, во втором — учение над воспитанием; но не смотря на то, учение от воспитания и воспитание от учения в строгом смысле отделить нельзя. Для меня особенную цену правды имеют слова Гербарта, который сказал: «Я не могу составить себе понятия о воспитании без учения, точно так, как я не признаю такого учения, которое не воспитывает». В самом деле, воспитание без учения не было бы разумно; учение, наполняющее только голову знаниями, но не воспитывающее человека, было бы не плодотворно. <...>

Но Дидактика учебною своею частию, практикою, должна быть необходимо отделена от Педагоги и составляет пока единственно возможную, практическую ее часть. Устройство примерных учебных занятий есть одна из необходимых принадлежностей этой кафедры, и только при них Дидактика может достигнуть вполне своего назначения. <...>

Мы сказали однакож, что Педагогя, по своему предмету, должна непременно иметь характер практический. Потеряет ли она этот характер потому только, что невозможно, преподавая Педагогию, занимать в то же время будущих Педагогов практически воспитанием детей? Нет, не потеряет. Первое применение Педагоги слушатели должны делать на самих себе. Готовясь к великому долгу воспитания других, они сами находятся в той поре возраста, когда, довершая воспитание, руководимое другими, переходят к самовоспитанию собственному. Поверка самих себя в отношении к воспитанию накануне столь важной эпохи их жизни должна непременно оживлять изучение Педагоги.

Желаю, чтобы все преподавание Науки было проникнуто мыслию, что только тот может принять на себя воспитание других, кто

сам успешно довершил свое собственное; что только тот может вести других на пути к совершенствованию, кто сам заботится непрерывно об усовершенствовании собственном. Кстати приходят на память слова Жан Поля: «Das grosste Arcanum, jemanden gut zu erziehen, ist: es selbst zu sein»². Но, налагая на вас такую обязанность, Мм. Гг., я умножаю теперь и свою собственную. <...> Если всякое учение, как сказали мы, тогда только плодотворно, когда воспитывает, то особенно подлежит тому учение Педагогии. Наука о воспитании должна быть верным отголоском самовоспитания того, кто на себя ее принял, а в слушателях возбуждать сознание собственного их воспитания в ту самую пору, когда они его довершают. Пускай чистосердечно, кротко и безобидно вызовет она в каждом из нас сознание своих недостатков; пускай укрепит силы духа признанием некоторых достоинств и возбудит живое и благородное стремление уничтожать первые и умножать вторые.

Первая обязанность Педагога состоит в том, чтобы утвердить мысль свою в истинной цели воспитания и узнать те данные в человеке, которые предлагают ему вещество для воспитания, те данные, с которыми он будет иметь дело. Вторая обязанность Педагога — знать способы, которые разные народы употребляли для воспитания, равно и те, которые предлагаются в книгах известных мыслителей о воспитании, иногда как результаты многовековых опытов, иногда как гипотезы для будущего. При этом внимание Педагога должно быть особенно обращено на те пути, которыми шло народное образование его собственного отечества. Третья обязанность Педагога — начертать себе, согласно данным и способам, план воспитания человеческого по возрастам, применительно к местным потребностям действительности, его окружающей. Отсюда проистекает само собою разделение Педагогии на три части:

- 1) антропологическую, или учение о цели и данных для воспитания;
- 2) историческую, или учение о путях и способах воспитания;
- 3) собственно Педагогическую, или начертание плана воспитания, но не отвлеченного, а возможного в действительности. <...>

В первой части Педагогии, или Антропологической, как сказано, предлагается учение о цели и данных для воспитания.

Я сказал уже, что понятие о воспитании, как развитии, должно быть соединено с понятием о совершенствовании. Совершенствование человека есть собственно цель воспитания. Но как различны понятия о совершенствовании, столь же различны понятия и о задаче воспитания, если взять воспитание, примененное к различным местностям и потребностям. Афины воспитывали в человеке преимущественно художника, Спарта — воина, Рим — гражданина. Только Христианство в собственном

² Величайшая тайна — кого-нибудь хорошо воспитывать заключается в том, чтобы самому быть хорошо воспитану. (Прим. С. П. Шевырева).

смысле дошло до надлежащего понятия о задаче воспитания: ибо над всеми этими частными задачами утвердило одну общую, именно — воспитание человека. <...>

После цели воспитания следует изучение данных. Под именем данных мы разумеем способности тела, души и духа, которые в нем должны быть развиты и усовершенствованы. Так как эти способности одинаковы во всех людях, то изучение их в отношении к их развитию и обуславливает возможности Педагогики как Науки. Можно изучать их вообще; можно изучать их в отдельном человеке, в котором соединение их образует его личность. Только первое изучение, общее, есть предмет науки; второе, частное, есть предмет опыта. Здесь определяется связь Педагогики, как Науки, с другими Науками. Прежде всего заметно прямое отношение к Науке о человеке, или Антропологии, от которой эта часть заимствует и свое название. Далее, учение о способностях телесных и их развитии тесно связывает Педагогику с анатомическими и физиологическими познаниями о человеке.

Все лучшие Педагоги советуют воспитателю обратить на эту часть особенное внимание и присоединить к ним некоторые сведения в Гигиене и Диететике. До сих пор, в сем последнем отношении, сочинение Гуфеланда «Искусство продолжать человеческую жизнь» остается незаменимым по благоразумию советов Врача, по глубокой связи с жизнью и по общедоступности. <...>

Изучение способностей душевных тесно связывает Педагогику с Психологиею. Психология изучает эти способности в их существенной действительности и взаимном соотношении, Педагогика же рассматривает их касательно возможности их развития и совершенствования. Духовная сторона человека была слишком мало исследована психологами. Здесь нельзя обойтись Педагогу без Откровенного учения Веры и без тех высоких Учителей Нравственного Богословия, каковы Ефрем Сирийский, Исаак Сирийский и Русский творец сочинения о восьми помыслах — Св. Нил Сорский. Таким образом антропологическая часть Педагогики имеет тесную связь с Богословием, Антропологией, Психологией и с некоторыми Медицинскими Науками.

Обратим теперь внимание на определение данных. Какое разнообразие встречаем мы здесь, во-первых, относительно принятия самих данных, во-вторых, относительно их качества. Иные Педагоги принимают только тело и душу; что же касается духа, смешивают в человеке душевное начало с духовным. Другие принимают тело и дух. Ни там, ни здесь не может быть полноты в определении внешнего и внутреннего существа человеческого. Некоторые Педагоги принимают тело и дух и о взаимном их соотношении говорят, что в течение земной жизни нашей тело имеет постоянный перевес над духом; что преобладание тела над духом начинается вместе с бытием человека. Здесь смешаны понятия о душе и о духе: ибо тело над духом ни перевеса, ни преобладания иметь не может. <...>

Признавая только тело и душу, как данные для воспитания, Педагоги предлагали правила для образования телесных и душев-

ных способностей и оставляли без внимания духовную сторону человека. Весьма важно, что эти же самые учителя Педагогии религиозное образование, которое собственно действует на наш дух, подчиняют образованию нравственному. Тот, кто не поймет важности духа и духовного образования, тот не может надлежащим образом уразуметь и образование религиозное, которого сфера есть сфера духа, которое через дух оживляет душу, очищает и освящает самое тело. Вот замечания относительно данных. Теперь переходим к качествам их.

Была целая школа между Педагогами, которая признавала в человеке злое начало совершенно господствующим. Первоначально, говорила она, в человеке все зло. Нет побуждения человеческого, которое не проистекало бы от зла. Самый полный безусловный эгоизм замечала она во всем детском возрасте человека. Таково было учение Методистов.

Есть Педагоги, которые любовь называют духовным здоровьем, а эгоизм — духовною болезнью рода человеческого. Сайлер говорит, что эгоизм всюду, куда ни прострет дыхание свое, отравляет мирный цвет всякого человеческого дружелюбия, всякой общей радости; что он святотатственною рукою рушит все учреждения, служащие к единению и к общему благу людей. Неужели же такую духовную болезнь одержим бывает человек, только что расцветший для жизни?

Конечно, пала первородным грехом природа человека. Повреждено существо ее в своем совершенстве. Ростки зла приметны бывают в самом первоначальном нашем развитии и требуют весьма раннего присмотра и уничтожения. Но не до такой же степени извращено уже все существо наше, чтобы самое младенчество одержимо было тяжкою болезнью духа, какая скорее в человеке может развиться впоследствии. Первая улыбка младенца матери уже противоречит тому³. Требования беспомощной слабости младенческой мы ошибочно можем принять за признаки позднейшего себялюбия. <...> Мрачен будет взгляд воспитателя, если Педагогия, предлагая ему на воспитание дитя, предупредит его, что он принял на руки безусловного эгоиста. Ясно, какое отсюда он возымеет понятие о малютке, вверяемом его надзору; ясно, что по этому понятию, которое он об нем составил, будет употреблять над ним и меры. Вспомним, как научил нас смотреть на детей Наставник наставников и Учитель учителей. Он окружил себя ими; Он указал нам на них, как на образцы невинности, достойной небесного царствия; из уст их Он принимал себе хвалу; Он исповедал, что им открыты тайны, утаенные от премудрых и разумных; Он строго

³ Пр. Ш. Шварц утверждает, что, по наблюдениям, улыбка лица, на пятой неделе по рождении, есть уже несомненное выражение сочувствий его к окружающим его воспитателям. (Прим. С. П. Шевырева).

повелел ученикам своим не возбранять им доступ к Нему, и, следуя этому великому божественному учению, смотрит на детей и наша Православная Церковь. <...>

Есть другое учение, которое явилось в противоположность учению Методистов. Оно признало в человеке все прекрасным; оно природу человеческую считает не падшею, но испорченную Западным обществом и государством, а потому выводит необходимость возвращать ее к естественному ее состоянию и давать ей сперва развиваться как можно свободнее, вне условий общественных и государственных. Начало этого учения встречаем еще у Бекона и Локка; до крайности довел его Руссо. Его Эмиль дал основание школе Филантропов. Это учение явилось противодействием первому и, конечно, должно было изменить самые способы воспитания. Оно представляет другую, столь же вредную, крайность, которая сбила воспитание на многие пути ложные. <...>

Психология, как сказано было, имеет весьма важную связь с Наукою о воспитании. Разумеется, определение данных психологических еще важнее, нежели данных физических для воспитания. Воззрения психологические должны иметь решительное влияние на Педагогию. В наше время Психология имеет на Западе новых делателей. Между ими пользуется особенно славою, некоторым влиянием и у нас, Бенеке; он сам провозгласил себя одним из преобразователей этой Науки. Некоторые из ученых Немцев разделяют с ним его мнение. Преобразование Психологии, совершенное им, состоит в том, что он применил метод изучения Естественных Наук к изучению души, в противоположность Герbartу, который, напротив, принял метод метафизический и обосновал его математически. Метод в Науке должен непременно согласоваться с ее предметом. Спрашивается, возможно ли тот метод, который употребляется в естественных Науках, где предметы материальны и конечны, применить к душе, которая нематериальна и бессмертна?

По учению психологическому Бенеке, душа человека есть не иное что, как агрегат впечатлений, какие человек приемлет в их бесконечно разнообразных соединениях, продукт многих миллионов элементарных развитий. Скопом или наростом всего извне принимаемого образуется душевная личность каждого отдельного человека, по мнению Бенеке. Применяя это учение о душе к учению о воспитании, Психолог дает Педагогу огромную силу, простирая ее не только на развитие индивидуальности в человеке, но как бы и на создание самой человеческой души, создающейся в этом развитии.

Педагогия на этом психологическом основании призывает воспитателя к тому, чтобы участвовать в самом процессе развития души. Бенеке в своей Педагогии весьма простодушно сравнивает воспитателя с Поэтом, который выводит и создает характеры, с Поэтом драматическим или с романистом. <...>

Совершенно иначе разумеют личность в человеке другие мыслители. Для них она есть Божие данное, в сущности своей неизменяемое. Герbart говорит, что «личность есть темный, скрытый в

земле корень, куда с трудом проникает человеческое предчувствие»; <...> Сайлер выражается так: «Природа отмщает всем, которые ее обижают».

Из всего сказанного кажется ясно, как важно определение данных в деле воспитания. Размерить самые силы свои, определить свою задачу и утвердиться в ней не может Педагог иначе, как определением этих данных. Если определит он их, как Бенеке, то зайдет слишком далеко и вместо произведения изящного может создать Бог знает какое чудовищное существо. Если не признает он в каждом человеке святости его личного существа, если не уважит этой личности в ней самой, как чего-то данного свыше, то в состоянии будет он погубить Божий дар, который, пожалуй, покажется ему еще препятствием в воспитании. Только изучив добросовестно эти данные в своем питомце, как нечто положительное, святое, чего он не вправе ни разрушить, ни нарушить, может воспитатель благоразумно устроить и весь путь воспитания. <...>

После данных следует изучение путей и способов, которыми шло и идет воспитание; эту часть я назвал историческою. Здесь необходимо изучить, каким путем у разных народов следовало воспитание, особенно же как воспитывался человек у образованных народов мира, какого идеала достигал он. Эта часть Науки вводит ее в ближайшее соприкосновение со Всемирною Историею, и особенно с тою частию Истории, которая касается не внешних дел, но внутренней жизни народов и Государств. <...>

В исторической части Педагогию заключительное место по порядку времени, первое по значению должна занимать История воспитания в нашем отечестве. Материалы для этого важного предмета, к сожалению, еще не собраны; но, конечно, Наука воспитания, водворенная теперь во всех Русских Университетах, займется их собранием и разработкою. <...> Все опыты минувшего, завет наших праотцев должны быть теперь сбережены, как сокровище, Наукою воспитания.

Вместе с изучением путей, какими практически шло воспитание у разных народов, необходимо следует изучение и самой теории, какую в разные времена предлагали мыслители. Здесь должны быть изучаемы сочинения древних о воспитании, но особенно сочинения новых мыслителей, которые имели весьма важное влияние на воспитание у всех народов Западной Европы и у нас. <...>

Говоря о способах воспитания, я считаю за нужное объяснить прежним историческим примером, как известное разумение данных определяет и способы воспитания.

<...> Мысль о том, чтобы воспитанием вызывать в человеке свободную волю и все его побуждения, нашла опору в Базедове. Он начинает школу Филантропов, но он еще не полагал определенной меры развитию свободной воли в человеке. Замечательно название этой школы, которая образовалась в противоположность школе Методистов. Филантропия есть слово, которое и у нас употребляется в смысле любви к ближнему. Но между любовью к

ближнему, которую преподает Христианство, и любовью к ближнему, которую преподает Филантропия, есть большая разница. <...> Любовь Христианская есть любовь к человеку разумная; огонь ее в сердце не потухает, потому что зажигается всегда лучом любви Божией, а разум дает ей очи, чтобы видеть всего человека. Филантропия же есть любовь слепая, льстивая и угодливая: ее огонь зависит от изменчивых общественных отношений. <...> Школа филантропов своими крайностями много участвовала в тех кровавых событиях, которыми окончился прошедший век.

Признавайте страсти в человеке, изучайте их, но не покоряйтесь им, не обожайте их: это правило вывели новые Педагоги из опыта жизни Западного человека и, признав необходимым развитие свободной в нем воли, сочли за нужное определить и границы этому развитию. <...>

В том, что касается телесного воспитания по возрастам, говоря о климатических условиях физического нашего развития, Педагог разве не обратит внимания на тот климат, в котором живет народ, на особенности болезней, свойственных тому народу, где воспитывается человек, на пищу, на одежду? Даже в общих душевных свойствах человека, входящих в его личность, разве не найдем и качеств прекрасных, и недостатков, которые он разделяет вместе со своим народом? Италиянскому педагогу не следует ли принять в расчет пылкого воображения и страстности своего народа; Французу — остроумия и легкомыслия; Немцу — отвлеченности и темноты? В нравственном отношении разве не важно рассмотрение нравов и обычаев, окружающих воспитание человека? Необходимо должно Педагогу обращать внимание на эти местные отношения. Не смотря на стремление обобщать Науку, везде эти особенности народные высказываются в ней сами собою. Прочтите Локкову книгу о воспитании: вы заметите, что она написана Англичанином. <...>

Ни в чем так не важен и ни в чем так сильно не обнаруживается народный цвет воспитания, как в предписаниях относительно Религии. Даже те Педагоги, которые думают утвердить Науку на самых общих философских основах, относительно религиозного воспитания обнаруживают местный образ мыслей. Возьмем в пример Бенеке. Он принадлежит к числу тех благоразумных учителей Педагогии, которые признают необходимым заблаговременное приготовление в душе воспитанника религиозной почвы и насаждение в ней семян Веры. Он совершенно противоречит в этом отношении Руссо и его последователям Филантропам. <...> Но тот же Бенеке, следуя Протестантскому рационализму, не советует говорить отроку ранее 12-ти или даже 14-ти лет о жертвоприношении Иисуса Христа за спасение мира, считая эту истину не по летам малого возраста. Я бы спросил Педагога: как бы присоветовал он поступить тогда, если младенец, изучая с матерью Символ Веры, остановит внимание на словах: «Нас ради распятого» и будет спрашивать вне времени уроков: что они значат? Я бы желал

знать, что бы сам он отвечал ребенку, который в Протестантском храме или в учебной комнате заметил распятие и спросил бы: «Кто это и зачем Он страдает?»

Истины Веры Христианской такого свойства, что они не знают ни возраста, ни сословий, ни степеней образования. Они как бы сжимаются для того, чтобы вместиться в уме малом, и неисследима бывает иногда глубина их даже и для тех ученых, которые могли совершить в любом из Германских Университетов полный курс всех Наук Богословского Факультета. Не таковы истины, добытые человеческим разумом; для того, чтобы понимать их, нужна известная степень развития. <...>

Можем ли мы принять хотя один из таких советов в нашу Педагогию? Наша Православная Церковь берет на себя все приготовительное воспитание детей в отношении религиозном: она приемлет их к себе от самого малого возраста; она допускает их к таинству св. Причащения без предварительного покаяния до тех пор, пока дитя не получит возможности сознавать грехи свои: с этого уже времени она соединяет их с Богом через покаяние. Самое Богослужение наше внешними обрядами своими чрезвычайно как действует на детей: дети более преданы внешним впечатлениям, их окружающим, они не имеют еще головы, озабоченной чем-нибудь посторонним; в церкви они стоят погруженные в то, что около них совершается. Они бывают иногда внимательнее тех взрослых, которые, привыкши к обрядам храма, как к делу известному, но не углубляясь духом в их значение, телом присутствуют в храме, а душою бывают вне его. Одно из великих преимуществ нашего Богослужения в религиозном воспитании составляет то, что оно совершается на родном, понятном языке, — и вот младенец затверживает слова его, и после сам повторяет и поет их дома. <...>

При начертании плана воспитания как в теории, так и на опыте две мысли должны быть путеводными для каждого, кто принимает на себя это великое дело. Первая мысль связывает воспитание с землею, другая с небом. Первая мысль, которою должен быть проникнут Русский воспитатель, состоит в том, что Русского юношу воспитывает не он один, а что воспитывает его вся Россия, и в этом воспитании совместно участвуют: Православная Церковь, Государь, семья, общество, Государство, История Русская, Отечественный язык. Преступно было бы со стороны воспитателя явиться для своего питомца преградой этих живых, великих сил Отчества: он должен помнить, что его одинокая сила значительна только при них и что на нем лежит строгая обязанность быть деятельным, благоразумным проводником этих сил к своему питомцу. Вот где заключается преимущество Русского воспитателя перед иноземным. Первый, сам будучи воспитан в среде живых сил своего Отчества, может по своему воспитанию сделаться посредником между ими и своим питомцем; второй, если бы и желал, не может.

Другая мысль, как путеводная звезда, должна с неба освещать земные пути воспитателя: эта мысль есть Вера в непосредствен-

ное участие Провидения в воспитании каждого отдельного человека. Воспитатель, как бы ни был заботлив, должен помнить, что рука Провидения ни над кем не дремлет. Все Педагоги, христиански образованные, признают это учение. Шварц, говоря о том, как Провидение воспитывает все человечество, признает его участие и в воспитании каждого отдельного человека. По словам его, «само Провидение призывает воспитателя и действует в нем божественною силою, если он исполняет долг свой». — «Истинное воспитание должно быть предоставлено Богу» — говорит Гразер. — «Кто имеет Религию (слова Жан Поля Рихтера), тот признает пути Провидения во Всемирной Истории точно так же, как и в Истории своего семейства: солнце выводит радугу на полукруге небесном и в капле чашечки едва заметного цветка».

В самом деле, узко было бы наше понятие о Провидении, если бы мы думали, что, пролагая мысль свою в великих делах Истории, оно не пролагает ее и в малых делах семьи нашей. Иначе смотрит Провидение на Историю, нежели мы; для нас в ней заметны только громкие дела; для Провидения равно слышны все. Да и как положить грань между заметным и незаметным? Сколько малых семей послужило колыбелями для великих деятелей истории! Если мы, веря в участие Провидения во Всемирной истории, должны верить в участие его и в истории каждого семейства, то отсюда само собою истекает неперемнное участие Провидения в воспитании каждого отдельного человека, потому что для семьи какая же задача важнее воспитания?

Мысль о Провидении не стеснит, конечно, деятельности и трудов воспитателя. Она не перейдет в нем в беззаботный фатализм, не заставит его сложить руки. Мысль, что он, исполняя долг свой, становится для питомца своего орудием благодати Провидения, с одной стороны, предохранит его от самонадеянности и от попыток, вредных его юноше, с другой, укрепит и умножит его силы. Повторю за одним Русским педагогом смысл Апостольских слов: «Мы можем садить и поливать, но возвращает один Бог» (I Кор. 3, 6).